

Спустя 70 лет после победного мая 1945 года западные лидеры решали, ехать на торжества в Москву или нет. А в европейских СМИ кипит дискуссия: следует ли рассматривать Россию в ранге страны-победительницы или она утратила право считаться наследницей СССР. На этом фоне с особым интересом читаются едкие исторические заметки Бориса Куркина о вкладе в победу западных государств. И впрямь — доходит до смешного: сдавшийся в течение суток Люксембург гордо именуется государством-победителем... Об этом и других казусах — в завершающей публикации содержательной и актуальной работы нашего давнего друга и автора.

БОРИС КУРКИН

ТОЖЕ ПОБЕДИТЕЛИ-3*

БРЮССЕЛЬСКИЕ КРУЖЕВА

*Вы были офицером моей Гвардии!
Как Вы могли опуститься до этого?!*

Из письма Императора Николая I
Леопольду Саксен-Кобургскому
по случаю избрания его Королем
бельгийцев

Невезучий король Леопольд

Бельгийцы — традиционный объект неполиткорректных французских шуток и анекдотов. Но когда 11 мая 1940 года французское командование узнало, что немцам удалось взять твердыню королевства — форт Эбен-Эмаэль — очередной “бельгийский” анекдот вышел и впрямь скверный. Сквернее некуда. И для французов, и для самих бельгийцев.

Для успешного броска на Францию немцам требовалось взять под контроль мосты через Канал Альберт. Их прикрывал форт Эбен-Эмаэль — венец фортификационного искусства, “штука посильнее” линии Мажино. Форт считался неприступным, и это принималось и французами, и бельгийцами за аксиому.

Деваться немцам было некуда, и они взяли за основу другую — прямо противоположную — аксиому. Им оставалось лишь провести эксперимент, дабы убедиться в верности своего посыла. В роли экспериментаторов должны были выступить 80 (восемьдесят) немецких десантников. Для пущей чистоты эксперимента его готовили долго и тщательно, а самих экспериментаторов изолировали в карантине. Почти герметично. Учитывая убийственность опыта, набирали испытуемых из числа добровольцев, которые подписывали соответствующую бумагу.

В это непросто поверить, однако немецкая концепция строилась, в сущности, на очередном “озарении” фюрера, которому пришла в голову идея ис-

* Окончание. Начало в №5 за 2012 год, №6 за 2014 год.

пользовать планерный десант. Идея была оригинальна и по-своему блестяща. Именно что “по-своему”, поскольку фюрер не ведал, что и на такой нетривиальный аргумент у бельгийцев был припасён свой асимметричный ответ в виде картечи. А посему “блестящая идея” изрядно смахивала на несвойственный немцам русский “авось”.

... На заре немецкие планеры бесшумно приземлились в расположении форта и в считанные минуты пробили направленными взрывами проходы через основание крыши. Потом они вывели из строя вентиляцию. Нейтрализовав всех находящихся вне крепости и заперев всех прочих в казематах, немцы принялись методично уничтожать сами казематы. В ход пошло всё: специально созданные для этого кумулятивные заряды, огнемёты, гранаты и всё, что может стрелять и взрываться.

Не обходилось и без накладок. Но накладок у бельгийцев было в разы больше. В результате уже в течение первого часа форт потерял две трети своей огневой мощи.

К чести защитников форта надо сказать, что атаку группы поддержки с фронта они отбили и сдались лишь после невозможности продолжать полноценный (согласно их полевым уставам) бой. Утром 11 мая над фортом затрепетал белый флаг.

Нельзя сказать, что эта вошедшая во все учебники военной истории операция была кровопролитной: потери немецкой штурмовой группы “Гранит” составили 6 убитых и 18 раненых из 60 высадившихся (до места назначения добрались не все). Ещё двое их коллег были расстреляны в ходе годичной подготовки к постановке опыта за недостаточно строгое соблюдение режима секретности. Гарнизон форта потерял 21 человека убитыми и 61 ранеными.

Как и положено, после войны начались лихорадочные поиски виновных в катастрофе. Вину возложили на коменданта фортеции майора Жоттрана. Мало того, что он отсидел от звонка до звонка в немецком плену, так ему ещё и вменили после освобождения взятие неприятелем вверенного ему форта. То, что инициативы майора по усилению безопасности Эбен-Эмаэля были отвергнуты его высоким начальством, в расчёт принято не было.

Ныне форт превращён в музей, который открыт для посещения. Раз в месяц по воскресеньям в нём проводятся экскурсии, в том числе и на немецком языке.

Если уподобить бой за Эбен-Эмаэль карточной игре, то можно было бы сказать, что банкомёт раз за разом – тупо и методично – сдавал немцам сплошь козырные тузы, а бельгийцам – шестёрки. А когда выпадала шестёрка немцам, бельгийцам доставалась тройка, а то и двойка. Тот, кто занимался историей этого сражения, не мог не подивиться фантастическому наложению одной случайности на другую. Дерзнём сказать, что “казус Эбен-Эмаэль” стал вообще прекрасным поводом для размышлений об устройстве мира, а для кого-то он стал наглядной подтверждением правоты Ф. де Ларошфуко, полагавшего, что “миром правят судьба и прихоть”.

Как бы там ни было, но всё, что было и казалось прежде всесильным и неприступным, оказалось вмиг бессмысленным и бессильным. А через шесть дней – вечером 16 мая – немецкие войска вошли в Брюссель.

Так внезапно закончилась “странная война”, а для бельгийского королевства его второй по счёту (и последний) нейтралитет, и началась война настоящая, “всамделишная” со всей её неизбежной атрибутикой. Не спасло бельгийцев и то, что их военное руководство вовремя разгадало немецкие планы.

Отчаянно не везло и пришедшим им на помощь французам, в результате чего уже через две с половиной недели остатки бельгийской армии были прижаты немцами к морю, на участке не более полусотни километров шириной. Король бельгийцев Леопольд III, находившийся вместе с остатками своей армии, поскорей над картой и во избежание дальнейшего кровопролития отправил 27 мая к немцам парламентёра. Через восемь часов он подписал акт о капитуляции. Почти полмиллиона бельгийских солдат и офицеров сложили оружие. Несколько тысяч военнослужащих всё же переправились в Англию. В их числе оказались десяток-другой лётчиков и фузилёры (стрелки), часть которых пополнила ряды британского спецназа.

Но прежде того королевство покинули правительство во главе с премьер-министром графом Ю. Пьерло и парламент. Потери бельгийской армии составили 6 тысяч убитыми и 200 тысяч пленными. Какой урон бельгийцы нанесли

немецким войскам — неизвестно. Бельгия, храбро и упорно сопротивлявшаяся германскому нашествию в Первую мировую войну, вторую войну с немцами провела до неприличия вяло и как бы нехотя.

Несмотря на уговоры своего премьера, король Леопольд бежать из страны отказался, заявив, что такой поступок недостойн монарха и что он останется в своей стране со своим народом, за что тут же был ославлен бежавшими в Лондон министрами и членами парламента в качестве “предателя”.

Леопольд уже был один раз во время Первой мировой войны в отрочестве в эмиграции и повторять свой английский опыт не захотел. Обосновавшиеся на Альбионе члены кабинета и парламента тут же взяли на себя всю полноту законодательной и исполнительной власти, хотя властвовать им оставалось разве что над самими собой, да и сами они находились под юрисдикцией британской короны. Этим, однако, дело не ограничилось: чтобы как-то занять себя, “парламент в изгнании” проголосовал ещё и за лишение Леопольда III трона за “неспособность к правлению”, хотя лишиться его трона никаких конституционных полномочий он не имел. Что сказал по сему поводу несчастный король Леопольд, окутано тайной.

Разумеется, пребывание монарха в стране создавало фюреру известные политические удобства, и Леопольд это прекрасно понимал. Однако встанем на его место: альтернативой плену было попросту бросить свою прижатию к морю армию, главнокомандующим которой он являлся, и бежать за границу, “чтобы продолжать борьбу ТАМ”. Именно так поступили, прихватив с собою золотой запас, стойкие борцы с нацизмом норвежский король Хокон и голландская королева Вильгельмина. Одним словом, пусть бросает в Леопольда камень тот, кто сам без греха!

... Король бельгийцев (именно так звучит официальный титул бельгийского монарха) Леопольд III был действительно невезучим королём. В детстве ему пришлось уехать вместе с родителями в Англию и пережить на вилле лорда Керзона мировую войну. Леопольд закончил Итон, а затем Королевскую военную школу, из которой был выпущен в 1922 году в звании лейтенанта. Он делает быструю карьеру и уже через десять лет становится полковником и начальником генерального штаба бельгийской армии. А в двадцать шесть женится по любви на шведской принцессе Астрид, ставшей любимицей его поданных, — племяннице сразу трех скандинавских королей. “Я никогда не забуду, — писал впоследствии Леопольд, — долгое томительное молчание Астрид после моего первого признания”.

В феврале 1934 года он неожиданно для всех и для себя самого получает служебное повышение: при восхождении в Арденнах погибает его отец — король бельгийцев Альберт Первый, и молодому принцу волей-неволей приходится надевать на свою голову корону. Время для страны выдалось нелёгкое: Бельгия вместе со всем капиталистическим миром переживала острый экономический кризис. Однако уже через год — в 1935 году, — благодаря усилиям премьер-министра Поля ван Зееланда, стала осуществляться “Бельгийская новая экономическая политика”, положившая начало экономическому возрождению страны. Правда, через два года удачливому премьеру пришлось уйти в отставку (после предъявления ему обвинения во взяточничестве в деле с Национальным банком).

В том же году Леопольда постигает великое горе: в автомобильной катастрофе погибает его жена, беременная четвертым ребенком. Но горе — горем, а работать королю и принимать ответственные решения все равно приходится.

Это было время и серьёзных изменений во внешней политике. Тут надобно напомнить, что по Версальскому миру Бельгии, претерпевшей немалые обиды от кайзеровской Германии, были возвращены её восточные округа Эйпен и Мальмеди, однако лакомый кусочек — Великое герцогство Люксембург — так и остался формально независимым нейтральным государством. К тому же энергичный Альберт I, памятуя о коварстве Германии, отказался в сущности и от нейтралитета своего королевства, подписав в 1920 году военное соглашение с Францией, вместе с которой Бельгия оккупировала в 1923 году Рурскую область и поощряла местных сепаратистов, даже провозгласивших в октябре 1923 года в Аахене “независимую Рейнскую республику”. Франция даже сгоряча признала её.

А тут ещё и маршал Ф. Фош стал выставлять свои резоны о необходимости захвата Рейна и Рура. “Франция не может довольствоваться разоружением

Германии, — писал маршал, — безразлично, будет ли это разоружение произведено добросовестно или нет. Слабость Германии ещё не означает силы Франции. Военная безопасность, построенная на такой зыбкой основе, была бы иллюзией. Для Франции и для Бельгии существует только одна гарантия против германского нападения — постоянное обладание переправами через Рейн. Линию Рейна можно удерживать сравнительно небольшими силами, если рейнская провинция будет освобождена от пруссаков... Если случится война, то победит та сторона, которая раньше завладеет переправами через Рейн”.

В 1925 году Бельгия подписала Локарнские договоры. Согласно последнему из них, так называемому “Рейнскому гарантийному пакту”, западные границы Германии, определённые Версальским договором, были подтверждены главами Великобритании, Франции, Германии, Италии и Бельгии. Это был ещё один нож в сердце Германии.

Но всему прекрасному приходит когда-нибудь конец, и в марте 1936 года Германия вышла из Локарнского договора и в тот же день ввела свои войска в Рейнскую область. И хотя Совет Лиги Наций осудил Германию за нарушение ею международных обязательств, однако реакции со стороны европейских держав не последовало. Вскоре премьер-министр Великобритании С. Болдуин вообще заявил, что вступление германских войск в Рейнскую область “не содержит угрозы военного конфликта”. Такое заявление фактически означало признание ликвидации Рейнской демилитаризованной зоны. В этих условиях в декабре 1936 года Бельгия денонсирует свои соглашения с Францией и заявляет об отказе от своих обязательств по Локарнским соглашениям, возвращаясь, таким образом, к политике независимости и нейтралитета. Такой разворот событий больно ударил по Франции, надеявшейся на совместные действия с бельгийцами по защите их северной границы. Следствием этого стало то, что линия Мажино так и не была продлена до Атлантики.

Германия укреплялась и точила зубы, а в соседней с нею Бельгии бурлила вся политическая жизнь: как грибы после дождя, плодились ультраправые политические группы. К тому же произошёл раскол основных политических партий на фламандскую и валлонскую фракции, что не сулило королевству ровным счётом ничего хорошего.

Впоследствии решение короля Леопольда III стать немецким военнопленным и его вынужденное отсутствие в стране в момент её освобождения вызвали резкое осуждение его действий, особенно со стороны валлонских социалистов.

С этого момента каждое лыко шло королю Леопольду в строку. Особенно испортила репутации Леопольда его встреча с Гитлером, состоявшаяся в ноябре 1940 года в Берхтесгадене. Собственно говоря, состоялась она благодаря исключительно сестре Леопольда Марии-Жозе — принцессе Пьемонтской — члену итальянской королевской фамилии, ловко и чисто по-женски поймавшей фюрера на слове и буквально выудившей его встретиться со своим августейшим братом-пленником. “Если Вы не желаете обсуждать эти вопросы со мной, — сказала она с чисто женской изобретательностью, — потому что я простая женщина и ничего не понимаю в политике, не могли бы Вы поговорить о них с моим братом Леопольдом? Все эти тяготы, которые вынужден нести его народ, очень его угнетают”.

Галантный австриец хотя и отказал даме в просьбе улучшить участь бельгийских военнопленных, а заодно и снабжение Бельгии продовольствием, однако не рискнул выдвигать аргументы против беседы с королём бельгийцев.

Эта встреча породила массу слухов и кривотолков как в самом королевстве, так и за его пределами и опять-таки крайне негативно отразилась на репутации Леопольда, которому стали инкриминировать чуть ли не сотрудничество с фюрером. Англичане и вовсе обвинили короля в “германофильстве и симпатиях к Гитлеру”.

Переводчик Гитлера П. Шмидт, слова которого вряд ли стоит подвергать сомнению, описывает её так: “Он шёл рядом со мной, высокий и стройный, и казался мне студентом, который идёт на дополнительные занятия, чтобы понравиться своим родителям, хотя и не видит в этом смысла. По ступенькам знаменитого Бергхофа он поднялся медленно, с неохотой, не проявляя тех упований, которые отличали таких посетителей, как царь Борис, Ллойд Джордж, Чемберлен и герцог Виндзорский”.

Гитлер, встречая Леопольда, избрал тактику некоего холодного дружелюбия. По воспоминаниям Шмидта, выражение лица короля, когда он сидел в кабинете Гитлера, представляло собой смесь недовольства и выжидательности, и я почувствовал, что он втайне сожалел об инициативе своей сестры. Гитлер попытался разрядить атмосферу несколькими вопросами личного характера. Любезные фразы, которые он использовал в таких случаях, выдавали его австрийское воспитание. «Я сожалею об обстоятельствах, в которых Вам приходится навещать меня. Нет ли у Вас каких-либо личных пожеланий, которые я мог бы выполнить?»

«У меня лично нет никаких пожеланий», — ответил Леопольд снисходительным тоном монарха, беседующего с революционным диктатором. Этим замечанием он явно давал понять, что собирается изложить другие, не личные просьбы, правда, для начала Леопольд постарался, чтобы Гитлер выслушал их, пребывая в более благосклонном настроении, поэтому поблагодарил его за то, что тот уже сделал. Среди прочего он выразил благодарность за разрешение бельгийским беженцам вернуться домой и добавил свою личную благодарность за оказанные ему услуги, особенно за возвращение его детей из Испании. Но Леопольд не был хорошим дипломатом: он произносил слова благодарности, но они звучали не очень убедительно».

Гитлер же начал один из своих бесконечных монологов о политической ситуации. В середине своего выступления он вдруг спросил Леопольда, как тот оценивает будущие отношения между Бельгией и Германией. Леопольд ловко ответил вопросом на вопрос: обретет ли Бельгия свою независимость после заключения мира? Фюрер, не любивший конкретных вопросов, пустился в длинные рассуждения о будущем Европы. Король Леопольд стоял на своём: попросил дать более точное определение независимости Бельгии, добавив, что думает, в частности, о независимости во внутренних делах (прозрачный намёк на поддержку фламандцев со стороны немцев). К тому времени Гитлеру явно надоела такая настойчивость, и он яростно напустился на предвоенную позицию Бельгии, нарушение ею своих обязательств нейтральной страны и так далее. В будущем Бельгия должна ориентироваться на Германию в политическом и военном отношении.

«Должен ли я понимать, что политическая независимость Бельгии будет гарантирована в обмен на военное и политическое соглашение между Бельгией и Рейхом?» — упорствовал Леопольд, напоминая своему confidentу о любви бельгийцев к независимости. При этом независимости он требовал безоговорочной, используя в качестве довода то, что Великобритания её уже давно официально признала, и что бельгийцы, вне всякого сомнения, станут на сторону той страны, которая гарантирует их безопасность при любых обстоятельствах. Тут надобно сделать комплимент британскому радио, больше, чем когда-либо, влиявшему на бельгийское общественное мнение в этом большом для подданных Леопольда вопросе.

Гитлер был совершенно глух к просьбам Леопольда и не скрывал досады на то, что король Бельгии, в отличие от глав других государств, не соглашается с большой охотой на предложение сотрудничать с Германией. Более того, среди просьб Леопольда прозвучала просьба о возвращении бельгийских военнопленных. «Нам самим нужна рабочая сила, — вспыхнул Гитлер, — офицеры, само собой, останутся в плену до конца войны». Леопольд в очередной раз приложил отчаянные усилия, чтобы получить хоть какие-нибудь, пусть и небольшие уступки в отношении поставок продовольствия и внутреннего управления в стране. Однако фюрер остался неумолим. Взаимный антагонизм, как отмечает Шмидт, нарастал. Леопольд всё меньше разговаривал и после отказа, казалось, иногда переставал внимательно слушать. С надменным выражением лица, отделяваясь лишь официальными репликами, позволял он потоку гитлеровских слов протекать мимо него. Как случалось видеть мне прежде, беседа потеряла всякий смысл».

Гитлер, вероятно, хотел бы сразу положить конец этому визиту. Но предусматривалось подать чай королю и всем остальным, поэтому, хотя разговор и иссяк задолго до намеченного времени, Леопольда задержали для чаепития. Чай подали в той самой комнате, где несколько недель тому назад сестра короля с надеждой просила об этой встрече, так и не принесшей удовлетворения её брату и разочаровавшей фюрера.

За чаем тот использовал последнюю приманку, чтобы убедить короля рассмотреть ещё раз его предложение о более тесном сотрудничестве между двумя странами. В длинном монологе о новом порядке в Европе он указал, что если Бельгия повернётся лицом к Германии, он не только полностью гарантирует ей военную защиту, так что вряд ли Бельгии понадобится армия в будущем, но Бельгия сможет также расширить свою территорию до Кале и Дюнкерка. Однако король промолчал. “Да и слушал ли он? Не потерял ли он интереса к беседе? Я не мог понять. Я видел перед собой лишь совершенно апатичного, разочарованного человека, похожего на мальчика, который хочет, чтобы быстрее закончился урок в школе. Но конца не было видно, потому что Гитлер сел на своего конька и надолго, повторяя одно и то же снова и снова”.

Больше с Леопольдом Гитлер никогда не виделся, а в Бельгии всё осталось по-прежнему. Администрация не сменилась, а положение с продовольствием осталось таким же плохим; бельгийские военнопленные не были освобождены до конца войны; сам Леопольд оставался пленником и был даже вывезен в Германию, несмотря на его протесты, незадолго до окончания войны. Гитлер никогда не простил ему отказа от его предложений в Бертехсгадене. “Он не лучше, чем остальные короли и принцы, — случайно услышал Шмидт реплику шефа, — хотя до того визита он отзывался о нём с уважением: “Король Леопольд предотвратил ненужную бойню в 1940 году”.

Если Леопольд и не был хорошим дипломатом, то, во всяком случае, вёл себя более чем достойно и пытался всеми возможными способами вынудить своего “партнёра по переговорам”, которому ничего не стоило лишиться короля жизни, к ясным и недвусмысленным ответам.

Любопытно, что затерялась — в отличие от прочих — запись именно этой беседы, и союзники продолжили третировать Леопольда и после окончания войны.

В результате посещения Бертехсгадена Леопольд III был заключен под арест и содержался в замке Лаакен близ Брюсселя под усиленной охраной офицеров СС. Впрочем, заключение короля не было слишком строгим и ему позволяли некоторые вольности. Так, в сентябре следующего — 1941 года — Леопольд III женился.

Это произошло в Брюсселе. Его супругой стала Мари Лилиан Балс — дочь видного фламандского политического деятеля, бывшего министра Анри Балса. Сказать, что бельгийское общество её не приняло, значит не сказать ничего: эта красавица-фламандка стала наиболее ненавидимой в Бельгии персоной. Добавим от себя, совершенно незаслуженно.

В ходе гражданской церемонии бракосочетания был обнародован брачный контракт, который объявлял, что новая жена короля не будет иметь ни титула, ни положения королевы. Она была наречена принцессой Рети. Этим же документом закреплялись и положение, при котором дети от брака короля с принцессой Рети лишались всякого права на престолонаследие. Учитывая условия оккупации Бельгии и характер брака, Леопольд III распорядился провести свадьбу в кругу самых близких родственников и без традиционных публичных манифестаций.

7 июня 1944 года — на следующий же день после высадки союзников в Нормандии — короля с супругой вывезли в Германию, в крепость Хирштейна-Эльбе, а затем в Австрию, в Штробль близ Зальцбурга, где его и освободили американцы.

Но вернуться сразу же после освобождения в свою страну ему было не суждено. Леопольд ещё оставался пленником, а 20 сентября 1944 года парламент по настоянию правительства ван Акера принимает на основании статей 82 и 85 конституции, предусматривающих право введения в стране института регентства (в случае, если король оказывается не в состоянии править Бельгией) закон о лишении короля Леопольда III прерогатив суверена. Помимо этого, ему запрещалось возвращаться в страну, а власть передавалась регенту, родному брату короля принцу Шарлю графу Фландрскому. Принц Шарль сам чудом избежал ареста: с помощью патриотов из движения Сопrotивления ему удалось тайно бежать из Брюсселя, он скрывался в партизанском отряде в Арденнах.

За период регентства Шарля в королевстве страна вступила в НАТО, сменилось девять правительств, и причиной смены правительств стал острый

конфликт, развернувшийся в бельгийском обществе по поводу судьбы Леопольда III как короля бельгийцев.

Особенно обеспокоились деятельностью короля во время войны валлоны, в частности, валлоны-социалисты, обвинявшие короля даже в сотрудничестве с нацистами. Их можно было понять: женился-то Леопольд во второй раз на фламандке, а не на валлонке. По этой причине Леопольд III после освобождения из германского плена обратился к принцу Шарлю с просьбой “продолжить миссию, которая на него была возложена в интересах Родины”. Сам же он вместе с семьёй отправился в своё имение в Швейцарию.

Однако популярность короля была все же велика. И доказательством тому является хотя бы то, что в течение пяти лет бельгийцы обсуждали право Леопольда III вернуться на родину. Не будь у него многочисленных сторонников, не мог бы состояться и референдум (носивший, впрочем, консультативный характер), предметом которого стало право короля вернуться в Бельгию в качестве её законного монарха.

Такой референдум состоялся в марте 1950 года, и по его итогам 57,68% бельгийцев высказались за возвращение короля. На основании этого решения в июле 1950 года Леопольд III, успевший побыть изгнанником в собственном королевстве, вернулся с семьёй на родину. Его родной Брюссель встретил монарха не слишком приветливо: на улицах бельгийской столицы начались ожесточённые столкновения сторонников и противников Леопольда, а всех их вместе – с полицией и войсками.

30 июля 1950 года представителями Социал-демократической и Либеральной партий было подписано соглашение с правительством об отречении Леопольда III от престола ровно через 1 (один) год. Ровно через год – 30 июля 1951 года – король Леопольд III отрёкся от престола в пользу своего сына Бодуэна Первого.

Интересно всё же, за что его так не любили англичане и американцы? Может быть, за его неуступчивость, о которой они были хорошо осведомлены, и желание видеть свою страну, как и прежде, нейтральной?

Леопольд стал частным лицом. Он поселился со своей семьёй в родовом имении. Свободного времени теперь у него было много, и он занялся наукой, совершив несколько экспедиций в тропическую Африку и опубликовав несколько научных работ. Предметом его изысканий стали энтомология и социальная антропология. Летучими букашками и тараканами, а также законами существования традиционных обществ Леопольд Саксен-Кобургский занимался в Бельгийском Конго. Как утверждают специалисты, его работы внесли существенный вклад в развитие энтомологии, а коллекция, собранная Леопольдом III, заметно обогатила экспозицию королевского музея истории природы Брюсселя.

Почему он вдруг решил заняться насекомыми? Может быть, оттого, что слишком хорошо узнал людей?..

В 1957 году он возглавил правительственную инспекторскую комиссию по изучению форм внедрения достижений научного прогресса в экономику и общественную жизнь в Бельгии и Бельгийском Конго (ныне Заир). Однако вскоре бывший монарх полностью отошёл от дел и зажил уединённо, не появляясь на публике. 25 сентября 1983 года он тихо скончался в возрасте 82 лет в одной из больниц Брюсселя.

Его вдова пережила его на девятнадцать лет.

Интересное наблюдение: чем достойнее ведёт себя монарх и чем благороднее он, тем больше стараются вылить на него грязи. Случайно?

Такие разные подданные

...У фюрера была феноменальная память, позавидовать которой мог бы и современный компьютер. Оттого-то и “зло” – реальное или мнимое, – причинённое его Германией Бельгией, он помнил хорошо. Помнил он и оккупацию Рейнской области, и отобранные у Германии Бельгией Руанду-Урунди, и майское 1940 года сопротивление бельгийской армии – пусть не вполне “яростное и ожесточённое” – он тоже хорошо помнил.

Вероятно, потому и не спешил определиться со статусом королевства. Забегая вперёд, скажем, что определиться он в этом вопросе так и не смог до

конца войны, хотя планы ему на сей счёт предлагались самые разнообразные.

Как ни странно, но именно Гиммлер пытался организовать в оккупированной Бельгии гражданское управление, однако вплоть до 7 июня 1944 года — до высадки англо-американцев в Нормандии — Бельгия и северная Франция находились под управлением военного командования.

Главой оккупационного правительства Бельгии стал генерал Александер фон Фалькенхаузен, в обязанности которого входило не только установление порядка на вверенной ему территории, но и наиболее эффективное использование человеческого и экономического потенциала страны на пользу Третьему рейху. С этой целью генералу, помимо собственно оккупационных войск, были приданы силы полевой жандармерии, секретной полиции, вспомогательные войска, а также бельгийская полиция. Кроме этого, в Бельгии действовали службы СД и гестапо, прямо с колёс взявшиеся перебирать масонские архивы и досье (с 1784 по 1940 годы), упаковывать их в ящики и вывозить в фатерлянд. В 1946 году американцы вернули бельгийским масонам целых девять ящиков из 179 вывезенных немцами.

Свой план предлагал фюреру и лидер профашистской партии “рексистов” Л. Дегрель. Согласно ему, германские военные власти должны ограничиться исполнением полицейских функций, предоставив “политическое перевоспитание бельгийского народа” обеим официально разрешённым политическим партиям (во франкоязычной валлонской части страны — партии “Рекс”, а в германоязычной, фламандской части — “Фламандскому Национальному Союзу”). По утверждению Дегреля, его “Валлонская гвардия” совместно с полицией была в состоянии самостоятельно поддерживать общественный порядок.

Власть старых партий, крупных финансистов и политическое влияние католической церкви предполагалось ликвидировать. После войны Германии следовало сконцентрировать свои усилия на охране внешних границ новой единой Европы, предоставив входящим в неё странам заниматься вопросами своей внутренней политики. Будущая Бельгия должна была включать в себя нидерландские провинции (Голландию и Зеландию) и некоторые области Франции, в своё время отторгнутые ею у Фландрии и Брабанта, достигнув размеров Бургундии времён Карла Смелого (XV в.) и простираясь от Амстердама до Дижона. Как в своё время бургундцы (или бургунды) “Песни о Нибелунгах”, так и граждане этой новой “Великой Бельгии”, которых Дегрель считал германцами, говорящими по-французски, должны были служить германским форпостом на Западе. Как писал сам Дегрель: “По крови мы приходим от германцев. По почве мы также приходим от германцев... Поэтому мы не являемся коллаборационистами, сотрудничающими с внешним врагом. Один германский народ не может коллаборировать с другим германским народом, а мы являемся частью германского мира”.

Но, несмотря на все заверения Дегреля в принадлежности его народа к германскому миру как по крови, так и по почве, у германских оккупационных властей были иные планы в отношении Бельгии, предполагавшие включение Фландрии в состав рейха. И Дегрелю надо было быть совсем уж недалёким и влюблённым по уши в фюрера идеалистом, чтобы пытаться как-то воздействовать на его планы. Что ж, фюрер, как известно, умел очаровывать людей! Тем более, простачков.

Как бы то ни было, но конкретных решений “по Бельгии” до окончания войны с немецкой стороны не последовало. При этом Гитлер и Гиммлер всецело одобрили идею создания “новой Бургундии” между реками Соммой и Рейном, по примеру Бургундского королевства времён “Песни о Нибелунгах”.

Одним словом, фюрер, судя по всему, Бельгию очень не любил, а та отвечала ему взаимностью. Бельгийцы — вне зависимости от того, валлоны они или фламандцы, — любили свою независимость и свой нейтралитет. Любили и... терпели немецких оккупантов.

Поведение немцев в Бельгии было на первых порах было вполне корректным, однако начиная с 1942 года, когда была введена обязательная трудовая повинность в Германии, многие бельгийцы стали тяготиться оккупацией, что привело постепенно к росту недовольства и даже к формированию движения сопротивления.

А началось всё, как это часто случается, с малого.

5 мая 1941 года, в годовщину нападения Германии на Бельгию, в Льеже прошла 100-тысячная забастовка металлургов Льежского промышленного

района под руководством лидера коммунистов Ж. Ляо. Забастовка прошла успешно: рабочие добились повышения заработной платы на 8%. Отечественная и бельгийская историографии относят сию забастовку именно что к “сопротивлению”.

Нет, сопротивление в Бельгии всё же было. Правда, создавалось оно, хотя и частично, всё теми же вездесущими англичанами. Так, после эвакуации остатков бельгийской армии в Англию её командование начало подготовку к созданию собственных сил специального назначения. Бельгийские десантники-диверсанты приняли участие в рейдах и операциях на территории Бельгии и Франции, а с октября 1944 года спецназовцы участвовали в качестве разведчиков в Голландской операции. К концу апреля 1945 года в 1-й парашютном полку Специальной авиаслужбы насчитывалось 350 человек. Ещё одна группа бельгийских командос, сформированная в 1942 году, воевала с 1944 года в Италии.

Сопротивление

В общем и целом, можно сказать, что партизанская война в Бельгии шла. Трудность заключалась, однако, в том, что движение Сопротивления было связано по рукам и ногам директивами лондонского эмигрантского правительства, грозившего прекратить поставки оружия в случае ослушания. В итоге тем, кто воевал, что называется, на “земле”, а не в лондонских кабинетах, приходилось постоянно держать в уме не столько военную, сколько политическую целесообразность.

Так уж получилось, что сопротивление немцам оказывали в Бельгии в значительной мере русские. К их числу можно отнести архиепископа Александра (Немоловского), арестованного гестапо в 1940 году и вывезенного затем в Германию), и других представителей (хотя отнюдь не всех) русской эмиграции.

Известен и подвиг представительницы первой послереволюционной волны русской эмиграции Марины Шафровой-Марутаевой (1908–1942) – “бельгийской Жанны д’Арк”, как называют её в Бельгии. Отважная подпольщица была приговорена к расстрелу, однако Гитлер, взбешённый “мягкотелостью” командующего войсками в Бельгии генерала Фалькенхаузена, приказал отрубить ей голову.

О ней написана книга, снят в 1982 году фильм. После окончания войны бельгийская королева Елизавета приказала найти могилу Марины Александровны, и в 1947 году её прах был перевезён в Брюссель, где его торжественно похоронили на кладбище Иксель. По свидетельству исповедовавшего её перед казнью священника, узница заявила: “Я счастлива отдать свою жизнь за Сталина, за советский народ”.

Интересно, как бы развивались события, если бы бельгийская армия дралась с таким же мужеством, как и эта молодая русская женщина?

В августе 1943 года на северо-востоке бельгийской провинции Лимбург была создана русская партизанская бригада “За Родину!” во главе с подполковником Красной армии К. Шукшиным, которая осенью 1944 года участвовала в освобождении Брюсселя и в боях под Антверпеном. Кроме того, под руководством Н. Зубарева в Арденнах сражался ещё один русский отряд численностью 10–12 человек, а сам Зубарев был награждён тремя медалями Фронта независимости Бельгии.

Бельгийцы и сейчас чтут память наших воинов, похороненных на их земле.

К лету 1944 года в Бельгии действовало до 50 тыс. партизан. Участвовали в Сопротивлении все политические силы, в том числе и беспартийные бельгийские военнослужащие. Кстати, одним из руководителей Сопротивления стал социалист ван Акер, один из инициаторов и вдохновителей закона о лишении короля Леопольда прав суверена и о запрещении ему возвращаться в страну.

Сопротивлялись бельгийцы по-разному: передавали в Англию разведданные, помогали сбитым пилотам британских ВВС, убивали коллаборационистов, издавали подпольно газету “Свободная Бельгия”, занимались посильным саботажем. Однако сколь-нибудь значимые военные акции были осуществлены в немецком тылу лишь во время боёв за освобождение Бельгии. Порой бойцам бельгийского Сопротивления удавалось освободить некоторые районы ещё до подхода американских войск.

Тут надобно учесть то, что партизанская война возможна лишь при наличии в стране гор: успешно партизанить на равнине весьма затруднительно,

если вообще возможно. Бельгийские горы — Арденны — в Валлонии. Фландрия же являет собой подобие качественного бильярдного стола. Оттого-то в партизанской борьбе преуспели в основном валлоны. Не следует, однако, забывать и то, что многим бельгийским солдатам и офицерам — валлонам и фламандцам — удалось бежать из плена, и Арденны стали им вторым домом.

Ряд авторов включают в номенклатуру действий Соппротивления ещё и спасение евреев. Так, однажды был перехвачен эшелон со 115 евреями, направлявшийся в Освенцим (Аушвиц).

Здесь, правда, следует отметить один тонкий момент. Евреи, как известно, если они не носили пейсы и лапсердаки и не ходили регулярно в синагоги, чувствовали себя в оккупированной Бельгии вполне вольготно. И доказательством тому является деятельность советской резидентуры, известной на Западе под названием “Красная капелла” и состоявшей, в том числе, из лиц с фамилиями Треппер, Кац, Райхман, Гроссфогель. Глядя на портреты этих людей, трудно принять их за истинных арийцев, однако ж фирма, образованная ими, действовала легально, сами коммерсанты имели обширные связи в вермахте, давая высоким чинам полагающиеся им взятки. Так что вопрос о положении евреев в Бельгии в период оккупации ещё ждёт своего исследователя.

Известен и такой случай: имущество директора Брюссельской оперы, успешного до прихода немцев в Брюссель бежать из Бельгии за океан — выходца из местечка под Житомиром, — было конфисковано немецкими оккупационными властями. Однако находясь уже за океаном, он снёсся с руководителями еврейской общины Брюсселя, которые выдали его представителю в бельгийской столице СПРАВКУ о том, что тот евреем не является, поскольку не состоит в зарегистрированной еврейской общине. Имущество было данному лицу ВОЗВРАЩЕНО. Возможно, дело не обошлось без “откатов”, но это тоже свидетельствует о многом.

Случай, на первый взгляд, совершенно феерический, однако, надо полагать, вполне рядовой для того “места и времени”. Вот и думай теперь, кто определял, еврей ты или не очень: сами евреи или гестапо? Разумеется, система распознавания “свой — чужой” развита у евреев несравненно лучше, чем у гестапо. Да и сам Л. Треппер был арестован не как еврей, а как резидент советской разведки. В общем, историку есть ещё что исследовать.

Освобождение

Бельгия была освобождена фактически за одни сутки. Случилось это 3 сентября 1944 года. Немцы сопротивлялись, но больше для вида. Основное дело сделали партизаны, не позволившие взорвать заминированные и подготовленные к полному разрушению стратегически важные мосты через канал Альберт и Шельду, по которым прошли английские танки. В целости и сохранности остались англичанам и портовые сооружения Антверпена, ставшего главным портом снабжения англо-американцев, вторгшихся на территорию рейха.

Тут-то и начались для Бельгии главные неприятности: фюрер дал волю своей нелюбви к этой стране и велел бомбить её что есть мочи самолётами-снарядами Фау-1. Особой рьяно немцы рушили страну бельгийцев во время своего контрнаступления в Арденнах в декабре 1944-го. Крепко досталось тогда и Антверпенскому порту. Бомбёжки продолжались до конца марта 1945 года, покуда на складах элементарно не “кончилось” “оружие возмездия”. Всего за шесть месяцев на страну было выпущено более 5000 самолётов-снарядов, потери от которых достигли 8000 убитыми и 23 584 ранеными. Наиболее сильным ударам подверглись провинции Антверпен и Льеж. В Антверпене пострадало две трети зданий. Пятая часть зданий была серьёзно повреждена или полностью разрушена. Ещё тяжелее пришлось Льежу. Все ж таки прав был нераскаянный Рылеев, вопросивший однажды в порыве испуга:

*Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?*

Сразу же после освобождения Бельгии хозяином её стал британский посол Хью Монтгомери Нэтчбалл-Хьюджессен, исправно командовавший бельгийским правительством. Скажем пару слов и о нём.

Бакалавр искусств сэра Хью пользовался в политических кругах Лондона весьма специфической репутацией, однако с работы его всё же не выгоняли. А ведь было за что “забить ему пропуск” в Форин оффис! Посол был известный мужеложец, хотя ничего необычного в том не было, а по нынешним либеральным временам, тем более. Беда, однако, заключалась в том, что как минимум два его протеже оказались на поверку агентами спецслужб рейха. Так было в Риге, где его юный и смазливый секретарь, уличённый в “греческих вкусах”, стучал в абвер, так было и в Анкаре, где его камердинер (не то албанец, не то турок) по кличке “Цицерон” воровал, словно чайные ложки, сверхсекретные документы из посольского сейфа, а потом передавал, точнее, продавал их ведомству В. Шелленберга.

Слухи о “кроте” в британском посольстве в Турции дошли до Лондона, и сэра Хью “бросили” на только что освобождённую Бельгию, в которой он прежде уже служил. Тут-то старый содомит и развернулся вовсю, устраивая недовольным кровавые бани в центре бельгийской столицы. Одна из таких историй случилась 26 ноября 1944 года, когда английские войска сначала обнесли центр Брюсселя колючей проволокой, а затем расстреляли из автоматического оружия вечно недовольных чем-то привередливых бельгийцев. И лишь после этого, выждав необходимую паузу, личное дело сэра Хью “положили на лёд”, как говорят англичане, когда отправляют кого-то в отставку.

А уже после окончательной победы над Германией в Бельгии начался разбор полётов коллаборантов и им сочувствовавших. Фемида сняла повязку с глаз долой и засучила рукава. Главная трудность в её работе заключалась в том, чтобы соблюсти необходимый паритет между фламандскими и валлонскими обвиняемыми, дабы не создавать впечатление о расправах на национальной почве. Однако удавалось это не всегда. Тем более, что стучали все на всех с частотой ткацких станков.

В итоге было заведено 600 000 судебных дел на граждан, подозреваемых в сотрудничестве с немцами. К суду было привлечено 57 000 бельгийцев. 23 584 из них были осуждены за “политический коллаборационизм” (*Collaboration politique*), 31 831 – за “военную помощь врагу” (*aide militaire*), остальные – за разного рода “политические преступления”. Кроме того, 20 652 обвиняемых были лишены гражданских прав. Было вынесено в общей сложности 1 247 смертных приговоров, многие из которых были приведены в исполнение публично. Среди отправленных в мир иной насчитывалось 105 фламандцев, 122 валлона и 15 граждан Брюсселя; среди приговорённых к пожизненным каторжным работам – 1 022 фламандца и 817 валлонов. 3 542 фламандца и 2 591 валлон были приговорены к тюремному заключению сроком от 15 и до 20 лет. Таким образом, из каждых 100 000 бельгийцев были приговорены к различным наказаниям 596 человек. Для Европы то был весьма значимый показатель. Попали в это число “законно репрессированных” и бойцы бельгийских легионов – “Валлонии” и “Лангемарка”. Сидя в Испании, Дегрель комментировал это так: “Эти герои Восточного фронта, каждый из которых был ранен, и не один раз, были отданы в лапы свирепой бельгийской политической полиции, подвергнуты публичному проклятию, брошены в тюрьмы и концентрационные лагеря, как обычные международные преступники.

Сотни были приговорены к смерти, а несколько тысяч – к заключению в тюрьме на 10 и более лет. Это была работа чрезвычайных трибуналов, чья глупость, вопиющая предвзятость граничили с сумасшествием”.

Да. Кто бы из этих добровольцев, включая самого Дегреля, мог подумать 22 июня 1941-го, что дело обернётся именно таким образом?

Борцы с большевизмом

Если бы мы ограничились перечислением подвигов бельгийского Сопровитвления и умолчали о тех бельгийцах – фламандцах и валлонах, – которые ДОБРОВОЛЬНО воевали в составе частей вермахта и Ваффен-СС на советско-германском фронте, это было бы глубоким искажением истории.

Самым неожиданным образом дух храбрых белгов, о которых с уважением писал в своих “Записках о Галльской войне” Г. Ю. Цезарь, вспыхнул во фламандских и валлонских добровольцах, пожелавших поучаствовать в “крестовом походе против большевизма”. И здесь нельзя не упомянуть Леона Дегреля –

организатора и вдохновителя бельгийских “добрармий”, любимца германского фюрера, ревностного католика, отлучённого от причастия католическим архиепископом за службу богопротивному ордену СС. Это был суший enfant terrible бельгийской демократии, которую он величал не иначе как “диктатурой гнили” (dictature des pourris).

Его называли “фашистом”. Это было неточно: он был нацистом. Однако в фашистскую Италию наведывался регулярно и не раз бывал в гостях у “великого дуче”, ежемесячно получая от него солидное вспомоществование на нужды “движения”. Правду сказать, дуче было в кого инвестировать: Дегрель был артистичен, уверенно держался на трибуне, был красноречив, зато не был умён. Особенно заметно это стало с возрастом, когда он засел за воспоминания. Но он был напорист и постоянно лез на рожон. Многим в Бельгии это нравилось. Дегрель был молод, свеж и энергичен. Это был фанфарон, сильно смахивающий на барона Мюнхаузена. Но не реального исторического, а литературного. Его антилиберальные, антибольшевистские, антипарламентские и антимаасонские лозунги и аргументы шли “на ура”, и Дегрелю это показалось вполне достаточным для того, чтобы конвертировать свои бенефиты в нечто большее, нежели бурные и продолжительные аплодисменты слушавшей его публики. Вдохновение переполняло душу героя, и в октябре 1936 года он дерзнул совершить свой “поход на Брюссель” по образцу и подобию марша чернорубашечников. Однако коррупционеры, масоны и гнилые либералы взяли свои меры, и дело, задуманное вождём в качестве судьбоносного, обернулось пшиком. Вслед за этим лопнула воздушным шариком и его партия.

10 мая 1940 года на Дегреля надели наручники и, невзирая на его депутатский иммунитет и диплом юриста, препроводили в острог. Затем его перевели для пущей сохранности в “зندان” французской контрразведки. По мере продвижения немцев Дегреля увозили всё дальше в тыл, в результате чего он поменял ещё девятнадцать застенков, покуда не очутился в Виши. Новая власть решила выместить свою досаду от поражения на Дегреле и лишний раз подчеркнуть правопреемство Франции “бывшей” и “преображённой”. Гнить бы молодцу на нарах и дальше, но тут за него вступился немецкий посол фон Абетц. Выйдя на волю, лихой агитатор и пропагандист тотчас же принялся сколачивать свои “ударные батальоны”, а затем отправлять их на Восточный фронт.

После нападения Германии на СССР в Бельгии спешным порядком стал формироваться легион “Фландрия” (“Legion Flandern”), состоявший из фламандских добровольцев, включённый вскоре в состав войск СС (Waffen-SS). Видя, что его опережают, Дегрель решил ковать железо, пока горячо, и начал вербовать добровольцев в свой собственный легион “Валлония”, который планировалось включить в состав германской армии (вермахта).

В первую партию добровольцев-франкофонов, которых Дегрель предпочитал именовать “бургундцами” (“бургиньонами”), входил и он сам. Отправился на Восточный фронт в составе “Валлонского легиона” и контингент русских белоэмигрантов (“кирилловцев”). Часть русской эмиграции восторженно встретила приход Гитлера к власти, наивно полагая, что тот освободит Россию от большевизма.

Оба формирования, звонко называвшиеся легионами, были в сущности батальонами. Логично было бы объединить бельгийцев в единое войсковое формирование, однако сливать фламандцев и валлонов в единую воинскую часть посчитали легкомысленным: лихие ребята, соревнуясь в своём региональном патриотизме, могли перестрелять друг друга ещё до отправки на фронт. Даже в России, до которой они добрались осенью 1941 года, фламандцы и валлоны были разведены подалеже друг от друга: фламандцев отправили на Волхов, валлонов – в Ростов-на-Дону, затем на Кубань. Вместе фламандцы и валлоны не могли воевать даже против большевизма.

Поначалу вербовка добровольцев шла исключительно удачно и была поставлена на поток. Казалось, вмиг помолодевшая старушка Европа только и ждала часа, чтобы сразиться со своим настоящим “врагом” – РОССИЕЙ. И куда девалась только прежняя вялость в отстаивании “своей свободы и независимости”? Добровольцы заключали контракт сроком на один год, немецкие власти были щедры на обещания, а также всевозможные бонусы и льготы. Правда, по ходу войны с Россией срок контракта увеличивался, а с бонусами

дело пробуксовывало и стопорилось. Легионеры почувствовали себя обманутыми вкладчиками, а после Курской битвы стали откровенно роптать. Весьма распространённым явлением стало бегство в Швецию тех, кто получил отпуск или был отправлен в родную Бельгию “для излечения от ран”.

После пополнения в июне 1943 года оба легиона были переформированы в бригады войск СС (по два полка в каждой). Фламандский – в добровольческую бригаду войск СС “Лангемарк”, валлонский – в добровольческую штурмовую бригаду тех же самых войск СС “Валлония”. В октябре – очевидно для пущей убедительности – обе бригады были переименованы в дивизии. Однако ввиду явного некомплекта личного состава дивизиями они были условными: то был самообман “комплектующих органов”. Ещё забавнее складывалась ситуация в 1944 году, когда “Валлонию” пришлось формировать в качестве “дивизии” в очередной – и последний – раз. Наскрести людишек для неё удалось лишь на два недоукомплектованных полка, а пушек – на две батареи.

Любопытно, что Дегрель яростно бился в начальственных кабинетах за переподчинение белгов СС (он и будущее милой своему сердцу Бургундии связывал исключительно с этим “чёрным орденом”!), в то время как его извечный оппонент Л. Липпер, командир “Валлонии”, – в прошлом лейтенант бельгийской армии – не менее активно выступал за сохранение бельгийских формирований в составе вермахта. Даже этот убеждённый враг России и большевизма, официально и реально командовавший бельгийскими легионами, не желал повязывать себя и своих боевых товарищей кровью с эсэсовцами. Добавим от себя, что после перевода легионеров из вермахта в СС, “Валлонию” покинуло 200 человек. Впрочем, отказ служить в СС мог служить и недурным поводом для того, чтобы отправиться домой из опустылевшей России. А в следующем 1944 году “Валлония” установила рекорд для соединений вермахта: за календарный год она была трижды уничтожена советскими войсками. Восстанавливать её в третий раз было некому: желающих повоевать с русскими уже не было.

Не везло и бельгийцам-фламандцам из легиона “Лангемарк”. В начале 1943 года их вновь перебросили под Ленинград, где по ним лихо прошла огненная коса. Лишь за одну неделю боёв у Красного Бора легион потерял убитыми и ранеными более 1000 человек. В конечном итоге, в живых осталось лишь 60 голов. Уцелевших отозвали с фронта и в мае 1943 года отправили в Польшу. После всех случившихся неприятностей никто из легиона не изъявил желания продлевать двухлетний контракт, и легион был расформирован. Лишь небольшое число отчаянных молодцов всё-таки пошли служить во вновь сформированную добровольческую бригаду СС с одноимённым названием.

С оперативных карт Красной армии и вермахта обозначения фламандских и валлонских частей окончательно исчезли в 1945 году в Померании, в которой фламандцы и валлоны оставили свои невезучие кости. Последние бои с участием этой дивизии прошли под Штеттином, после чего одна часть дивизии отступила в Данию, чтобы сдать союзникам, а другая часть препоручила свою судьбу Красной армии в Бранденбурге.

Комиссар Дегрель

Если бы у бельгийских эсэсовцев народились свои “речистые былинники”, то Л. Дегрель непременно стал бы главным героем их сказаний. Да он и сам немало способствовал распространению о себе легенд. То был, судя по всему, сказочный богатырь, не признававший ничего, кроме атак в полный рост. А однажды, по словам самого Дегреля, прямо в поясицу ему угодил русский снаряд. Однако герой не убили, а рассмеялся. Впрочем, в личной храбрости ему было не отказать.

Весьма любопытна его военная карьера. Началась она со звания рядового. Многие поклонники Дегреля ставят это ему в заслугу. Смотрите, мол, экий молодец! Пошёл добровольцем и начал служить с самых низов, точно фюрер. Дело, однако, объясняется просто: дипломированный юрист в армии не служил, а военной кафедры в университете не было. Учитывая, что немчуря любит созданный ею же ордунг, ничего иного и быть не могло, будь ты хоть генеральный секретарь своей же партии. В рядовых Дегрель тянул лямку целых два года, пока его не пожаловали ефрейтором. Дальше начинается самое

интересное: за один месяц – с 1 по 28 февраля 1942 он проскакивает 6 (шесть) званий, а уже в мае того же года становится лейтенантом. Наверняка выдавшие виды ветераны, читавшие табель-календарь с вестями о Дегреле, чесали затылки. Может создаться впечатление, что немцы попросту решили “пропиарить” нужного им Дегреля как “нацкадр”.

Закончил же свою воинскую службу Дегрель в звании... тут источники расходятся. Иные говорят, бригаденфюрера и генерал-майора войск СС, другие – оберфюрера (третьи утверждают, что на деле Дегрель был оберштурмбанфюрером (по-нашему, подполковником), что скорее всего. В общем, до звания Штирлица политбургиньон не выслужился, а звания присваивал себе в эмиграции сам. Это служило поводом для многочисленных скандалов: лихой “бургундец” любил покрасоваться и попозировать для фотосессий в мундире и с немецкими крестами (разумеется, тогда, когда это стало совершенно безопасно)

Любопытно, что до февраля 1944 года Дегрель не покомандовал ничем: ни отделением, ни взводом; за него это делали другие. В армии и на фронте он был чем-то вроде “главно вдохновляющего”, политического комиссара. И лишь после того как погиб, выбираясь из очередного котла под Черкасском, Л. Липпер, было решено, что Дегрелю можно поручить водить полки.

Он был хват, однако отцом своим солдатам из “Валлонии”, относившимся к нему весьма скептически, если не сказать, неприязненно, не стал. Зато он был всегда впереди. И там, где не могла пройти по русской грязи и русскому снегу пехота, где не мог проползти угрюмый танк, пролетал его штабной “фольксваген”. Это тоже было частью легенды о Дегреле, созданной им самим. Куда менее известны подвиги его “бургиньонов”, сгинувших без следа в русских лесах и болотах. Так, в феврале 1944 года из Черкасского котла сумели унести ноги 632 валлона, а ведь ещё четыре месяца назад их прибыло целых 2000. Куда подевались остальные? Бог весть.

А куда подевались их соотечественники и соплеменники, увязавшие по пояс в русском снегу и ходившие в атаку, с криками “Да здравствует Бургундия!” в Демянском котле? Разумеется, то был всего лишь боевой клич, но всё же было непонятно, то ли Россия – временно оккупированная часть Бургундии, то ли она всю жизнь её, вольнолюбивую, как могла, душила.

Дегрель был везунчиком и авантюристом в первоначальном смысле этого слова, то есть искателем приключений. Части, в которых он служил, регулярно размлачивались Красной армией в пух и прах, а сам он оставался жив. Повреждения же телесному здравью компенсировались наградами фюрера, сказавшего на церемонии награждения, что если бы он имел сына, то желал бы, чтобы это сын был похож на Леона Дегреля. Впрочем, чего не скажешь, чтобы поощрить лихого бойца, тем более, что конец их обоих был уже близок?

Сказать, что всё это шло Дегрелю на пользу, было бы преувеличением. И доказательством тому может быть решение бельгийского военного суда, заочно приговорившего Дегреля 14 декабря 1945 к смертной казни. Но в этот день Дегрель пребывал уже в бегах (в Испании), и все попытки западных союзников принудить испанское правительство выдать им беглеца успеха не возымели. Выдачей его озаботилась даже ООН, обвиняя Испанию в том, что та, укрывая у себя Дегреля, “угрожает безопасности держав-победительниц”. Однако в этой политической корриде каудильо набычился и своего поделника Дегреля не выдал, как не выдал он и другого любимца фюрера – О. Скорцени. Свой отказ Ф. Франко мотивировал состоянием здоровья “последнего бургундца” после катастрофы, в которую тот якобы попал. Обстановка между тем все более накалялась, и Дегрель счёл за благо перебраться в 1946 году за океан – в Аргентину. Но и там дела у него пошли не лучшим образом, после чего лихой бургундец решил тайно перебраться обратно в Испанию, всецело уповав на то, что с “Гвадалквивира выдачи нет”. Здесь его приютили монахи-доминиканцы, у которых он и отсиживался до 1955 года, не ощущая уверенности в завтрашнем дне. Неожиданно в нём приняла участие некая испанская герцогиня, усыновившая 48-летнего монаха. Так он разжился натуральным испанским паспортом на имя Леона Хосе Рамиреса Рейны.

Его пытались выкрасть агенты израильских спецслужб, чтобы устроить ему нечто вроде образцово-показательного “процесса Эйхмана”. Однако заболтаться в петле новоявленному сыну герцогини было не суждено. Напротив,

один из горе-похитителей, Цви Алдуби, работавший под крышей израильского журналиста, был арестован испанскими властями и приговорен к тюремному заключению.

И всё ж таки рука испанской Фемиды до него дотянулась. Правда, уже после смерти каудильо – и “последнего бургундца” осудили. Но не за прошлые тяжкие грехи, а за отрицание Холокоста. И тут ему снова повезло: он отделался денежным штрафом. Для владельца успешной строительной фирмы, каковым числился Дегрель, битие песетой оказалось чем-то вроде “постановки на вид”.

Но всему положен предел, и в 1994 году Дегреля хватил удар, от которого он не оправился. Ему было на тот момент 88 лет. Живуч был экземпляр, что и говорить!

И везуч. Один его летучий побег на личном самолёте А. Шпеера из Норвегии в Испанию в ночь с 8 на 9 мая 1945 года чего стоит! Лететь пришлось на предельную дальность над территорией, занятой противником. И спасло его лишь то, что личный состав ПВО союзников в тот момент с размахом праздновал победу, и им было не до какого-то невесть откуда взявшегося самолёта, с экипажем которого они пытались связаться заплетающимися языками.

В конце 1993 года – за полгода до своей смерти – Дегрель дал интервью известному ныне российскому философу А. Дугину, в котором сделал комплимент украинцам: “Вся Украина, прекрасная Украина с её бескрайними золотыми полями, с её белыми и голубыми деревнями, расположенными среди полей подобно корзинам цветов, Украина, богатая пшеницей и кукурузой, получившая за два года сотни новых заводов, эта Украина была накрыта ревущей волной монголов и калмыков с висячими усами и стальными зубами. Они несли тяжелые автоматы с дисковыми магазинами, одуревшие от длинного марша от Волги до Галиции и Бессарабии, совершённого за полтора года. Их карманы были полны золотых колец, они хорошо ели и убивали множество “фрицев”. Они были счастливыми людьми”.

У читающего воспоминания лихого бургиньона может создаться впечатление, что строгий комиссар Дегрель лично выворачивал карманы красным мародерам, одновременно унося от них ноги. Да, борзо было его перо, а лёгкость в мыслях с возрастом становилась и вовсе необыкновенной. Было в его рассказах нечто от водевиля, что-то ноздрёвское, а может и хлестаковское.

Трудно удержаться, чтобы не процитировать ещё: “Переводчиками у немцев, во всяком случае, на юге России, как правило, служили активисты-украинцы из Галиции. Они ненавидели местное “кацапское” население, а население их совершенно не понимало, так как пресловутая “рідна мова”, на которой они говорили, была искусственно, нарочито очищена от всех обычных русских слов и выражений. Изобретённая А. Розенбергом “со товарищи” пресловутая “восточная политика” проводилась немецкими оккупационными властями с “чисто германской тупостью, несмотря на катастрофические результаты”.

Далее в своём интервью А. Дугину Дегрель заявил, что воевал не с русскими, а с большевизмом, а посему ни в чём не раскаивается. “Я сожалею, что мне не удалось достичь намеченного, – сказал он в заключение, – но будь у меня шанс, я бы всё повторил сначала”.

Мотивы поведения человека порой не менее интересны, нежели его деяния. В записках сего лихого человека мы находим ответ и на этот вопрос: “За что сражались все мы, если не за честь каждый день представлять нашу страну на фронте общеевропейской борьбы? Напомнить о гордом прошлом наших отцов!” О своём же вечном оппоненте Л. Липпере Дегрель прямо сказал, что тот “присоединился к антикоммунистическому крестовому походу, как всякий истинный рыцарь Христа”.

А ещё Дегрель со товарищи защищал, по его собственным словам, родные бельгийские “деревушки с их синими крышами”. Правда, защищал их в русских степях и болотах.

И что же мы имеем в итоге? А имеем мы пару неких сугубо идеальных мотивов: “честь быть представленным на фронте общеевропейской борьбы с коммунизмом” и отдавание долга памяти “гордому прошлому отцов” в качестве “рыцарей Христа”.

Нет, чего-то в своём интервью русскому философу Дегрель явно недоговаривал. Простофилей Дегрель не был, и ответы его на “основной вопрос фи-

лософии” выдают в нём человека, “балующегося литературой”, по-своему артистичного, но не шибко остроумного. И... лукавого.

“Нераскаян человек и неисправим”, как мог сказать бы о нём некий страдающий от безработицы принц датский.

* * *

А теперь подведем итоги.

В войне против СССР погибло от **5 до 6 тысяч бельгийцев (2 тысячи бельгийцев были взяты в советский плен)**.

4 бельгийца были награждены немецкими Рыцарскими крестами, в том числе один получил и Дубовые листья к Рыцарскому кресту.

Потери бельгийской армии в войне против Германии **составили 6 тысяч убитыми и 200 тысяч пленными**.

Вот и получается, что воевала Бельгия сразу на два фронта и проиграла почти что с одинаковым счётом. Такие вот “брюссельские кружева”. Вы спросите, отчего же мы причисляем Бельгию к числу стран “тоже-победителей” во Второй мировой войне?

А дело обстоит весьма просто: 1 января 1942 года правительство Бельгии в эмиграции присоединилось к антигитлеровской коалиции. Коалиция победила, а значит, победила и Бельгия. Хотя бы и символически. “Вопреки” Дегрелю. Или “благодаря” ему.

Бурёнка-диверсант

(или Сказ о том, как Великая герцогиня Люксембургская Шарлотта Вторую мировую войну выиграла и германского фюрера одолела и посрамила)

Невелико Великое герцогство Люксембургское – всего-навсего две с лишним тысячи квадратных верст. Раз в двадцать меньше нынешнего Подмосковья (ближнего вместе с дальним).

Помнится, герой романа Г. Грина “Комедианты” – американский посол на Гаити, – в преддверии нежданного отъезда из страны утешал себя тем, что уж “меньше Люксембурга ему не дадут”. Посол тот был, конечно же, шутник: бывают страны и поменьше: Андорра, Лихтенштейн, Монако, Сан-Марино, а вот сыскать державу более славную – мудрено.

Отчего, спросите вы? А если я скажу, что Люксембург выиграл Вторую мировую, что вы мне на это возразите?

Конечно, иной кухонный мыслитель начнёт в ответ крутить пальцем у виска. Покрутит-то он, конечно, повертит, однако окажется, как говорят знатоки преферанса, “с десятью взятками на мизере”, то есть в полном ауте.

Так что наберись, любезный читатель, терпения и не перебивай и без того взволнованного Автора. А вот как дошёл Люксембург до жизни такой, что превзошёл, затмил и посрамил своим подвигом многие великие державы, – тема отдельной диссертации. И не какой-нибудь чахлой кандидатской, а полновесной докторской.

... Кто только не желал прикарманить себе этот Люксембург! Но выходило этим авантюристам всё это как-то боком. Бонапарт включил его в состав своей империи, да сгнил заживо на о. Св. Елены. Порывался выкупить Великое герцогство у нидерландского короля племянник Бонапартия Луи Наполеон (тот, который Третий). И хотя негоция сия была по сути куплей-продажей родового имения, но тому воспротивился железный Бисмарк, грубо встряв в торги и пригрозив французу войной. Тот смалодушничал, а затем и вовсе сбежал, прихватив казённые деньги, в Лондон.

Исхитрились, однако, оттяпать кусок Люксембурга коварные бельгийцы. Да и голландцы были ох как не прочь попридержать этот кусочек земного парадиза за собой, хотя бы в качестве вотчины дома Нассау. Но пресёкся мужеский род на нидерландском троне, и осиротели люксембургцы – некому стало их наследовать. И тянулась тяжба за землю люксембургскую и души, за ней закреплённые, меж великими и просвещёнными нациями до тех пор, покуда не завершилась подписанием в 1867 году в Лондоне трактата, возвестившего “вечный” нейтралитет. И признали корону Великого герцогства Люк-

сембургского наследственным владением дома Нассау, и обрело оно статус “вечно нейтрального”. И уже государства, а не личного имения.

Проживают в Люксембурге в основном люксембуржцы, прозывающие себя лётцебургерами. Живут представители этого редкого и в меру славного роду-племени и в Германии, и во Франции, достигая числом до полумиллиона душ. Однако же большая часть их – 300 000 человеко-единиц – прописана в самом Люксембурге. Говорят лётцебургеры на своём исконном люксембургском наречии. Правда, учёные люди прибавляют, что сей редкий говор относится к германской группе индоевропейской семьи.

Прижились в Люксембурге и французы, и говорят они вполне по-парижски, ну, да число их невелико и считаются они у себя на родине “нацменами”. Так что национальное лётцебургское самосознание было у люксембуржцев вполне на высоте.

Вторая мировая война началась для Люксембурга неожиданно и почти что нагадано. Конечно, можно сказать, что все войны, даже те, которых ожидают со дня на день, начинаются неожиданно, но случай с Великим герцогством – “из ряда вон”.

Начала боевые действия – задолго до того, как Великая герцогиня Люксембургская Шарлотта, разбуженная вестью о вторжении вермахта, начала экстренный самовывоз себя и своей семьи во Францию, – тихая и мирная люксембургская ... бурёнка. Начала, как нетрудно догадаться, безо всякого объявления войны – так ничего и не промычав.

... “Странная война” (“Drôle de guerre”) разгоралась уже не на шутку: немец демонстративно гоготал, радостно окатываясь водой на виду у французского пулемётчика, а тот смолил свою сигарку и показывал немчуре язык, а порою даже делал ему “козу”.

Однажды, “в один из голубых и мягких вечеров”, как писал Артюр Рембо, заплутавшая, как гармонь, люксембургская коровёнка, перебираясь на немецкую сторону, зацепила рогом провод, ведущий к упрятанному фугасу, и мост, заминированный германскими сапёрами, взлетел на воздух.

Если учесть, что учинять натиск французы не только не собирались, но так и не собрались, а немчуря – совсем наоборот, то получается, что нейтральная лётцебургская бодёнушка ещё задолго до начала войны выступила против будущего оккупанта – Германии – на стороне будущего победителя – Франции.

Этим, однако, дело не ограничилось: находясь под впечатлением случившегося, один из славных бойцов фюрера забрёл на минное поле и подорвался насмерть. Наблюдавший всё это другой боец, потрясённый двумя следовавшими друг за другом эксплозиями, хватил для успокоения нервов шнапсу и побрёл на ватных ногах до своих, но от пережитого и употреблённого запомнил пароль и был застрелен своим же часовым. Так в один день 16-й пехотная дивизия генерал-майора З. Хенрици (“лихого Зигги”) потеряла (перед броском на Францию) стратегический мост и двух ратников. На том неприятности в этой жизни для него не закончились: 9 мая 1945 наши возьмут Зигги в плен, и он отсидит за колючей проволокой десять с половиной лет.

Понёс ли хозяин (хозяйка) рогатой коровы гражданско-правовую ответственность за деяние своей кормилицы, о том история умалчивает. А ведь хозяину (хозяйке) можно было бы вчинить вдобавок публично-правовой иск за развязывание войны, однако пусть над этим казусом разбирают себе головы вьедливые правоведы-международники.

Той корове, – имя её так и осталось безвестным, – можно было с полным правом присвоить звание Героя Люксембурга, поскольку храброе тевтонское воинство заняло позднее Люксембург **без потерь**, а те двое незадачливых воjak стали единственными жертвами нечаянного **коровьего** Сопrotивления будущей агрессии.

Однако формально-юридически лётцебургская бурёнка грубо нарушила извечный нейтралитет Великого герцогства, что, скорее всего, и побудило злопамятного и мстительного фюрера поквитаться с путающимся под ногами Люксембургом, а заодно и с его венценосным топ-менеджером Шарлоттой.

... Прекрасная Франция, употреблявшая бургундское и абсент прямо из горлышка, продержалась на ногах недолго и держаться на них, похоже, не очень-то и порывалась, а посему уже в июне 1940 года, подхватив в охапку мужа, Великая герцогиня бежала вместе с правительством в “нейтральную” Испанию. Лукавый каудильо, несмотря на изнурительную жару, принял

Шарлотту весьма прохладно и всякие разговоры о предоставлении убежища ей и её правительству пресёк на корню. Это понудило Шарлотту попытаться в ещё более нейтральной Португалии, диктатор которой А. Салазар — ещё более осторожный и хитрый, — вогнал её окончательно в тоску и уныние. Однако же сей мудрый профессор-монах обошёлся с дамой милостиво и усадил её на пароход, отправлявшийся в Англию.

Туманный Альбион уже изрядно потряхивало — донимали немецкие бомбёжки. И тогда Великая герцогиня Люксембургская решила перебраться в Новый Свет, однако на море-океане рыскали голодными волками стаи подводников Дёница. Страшен чёрт, да милостив Бог — обошлось и на сей раз. Позднее одна часть правительствующих непонятно над кем люксембургских чинов разместилась в Канаде, другая же — менее удачливая — так и осталась в Лондоне.

Вы спросите, что стало причиной метаний Великой герцогини? Тут следует прокрутить ленту назад.

Как мы уже говорили, по приснопамятному Лондонскому трактату корона Великого герцогства Люксембург признавалась наследственным владением дома Нассау, а само герцогство определялось “вечно нейтральным” государством.

Понятие же “вечности” в теории и практике международного права не определено до сих пор, а потому и не может быть однозначно истолковано. Так что когда 2 августа 1914 года, на 47-м году пресловутой “вечности”, в Люксембург вошли, распевая “Вахту на Рейне”, войска германского кайзера, никто этому особо не подивился. Именно оттуда — из вечно нейтрального Люксембурга — и источала директивы своему войску во Франции германская ставка, в том числе во время битвы на Марне. А 6 сентября ставку посетил сам кайзер Вильгельм, радушно принятый Великой герцогиней Люксембургской Марией Аделаидой.

20-летняя энергичная красавица Аделаида отнеслась к приходу германских войск с радостной беспечностью. Грубым нарушением нейтралитета своей страны она его, скорее всего, не считала, а если и считала, то особой беды в том не видела, изредка — явно из приличия — напоминая “городу и миру” об этом досадном международно-правовом казусе. Тем дело и ограничивалось. Во всяком случае, связей с германскими княжествами юная правительница не прерывала, а в самый разгар войны даже согласилась на обручение одной из принцесс с наследником баварского престола. Это был ЖЕСТ. И его оценили и запомнили по обе стороны линии фронта.

Сразу же после окончания войны отношения между Марией Аделаидой и парламентом вдруг ни с того ни с сего обострились, а в обществе как-то само собою и к немалому изумлению самого же общества возникло движение за провозглашение республики. Чуть позже было объявлено о проведении плебисцита.

Термина “оранжевая революция” тогда ещё, правда, не существовало, однако 14 января 1919 г. государственный министр Э. Рейтер на заседании палаты парламента уже зачитывал декрет об отречении Великой герцогини. А на следующий день родная сестрица Аделаиды — Шарлотта — приняла великогерцогскую присягу. Присяга присягой, но ей ещё предстояло утвердить своё право на престол в ходе вселюксембургского голосования. Новая Великая герцогиняотреагировала на сигналы и импульсы, исходившие из Парижа и Лондона **правильно**, и “сим победила”. Ей было на тот момент 23 года.

В первые же дни своего правления Шарлотта опубликовала декларацию, провозглашавшую “коренную переориентировку политики” Люксембурга с Германии на державы Антанты. Одновременно Великая герцогиня провозгласила принцип народного суверенитета: “При исполнении высочайшей власти конституция и законы страны должны быть для меня руководством, моим наставником и советником должно быть правительство, пользующееся доверием народа. Демократическая реформа нашей конституции, которую осуществит Законодательное собрание, найдёт моё полное одобрение”. Так Шарлотта перестала быть “матерью” лётцебургеров, ставших в одночасье “политически совершеннолетними”, и превратилась разом в “топ-менеджера”, хотя и венценосного.

28 января 1919 года были подведены итоги победного для Шарлотты плебисцита, и в тот же день её родная сестра — Мария Аделаида — навсегда по-

кинула страну. Она скончалась в возрасте 29 лет в замке Хоенбург в Баварии 24 января 1924 года. После выигранной политической битвы Великой герцогине Шарлотте можно было вздохнуть с облегчением и подумать об обустройстве семейного очага, и 6 ноября 1919 года она вышла замуж за принца Феликса Бурбон-Пармского (1893–1970).

В стране было введено всеобщее избирательное право, пропорциональная избирательная система, а с 15 мая 1919 года Люксембург, после внесения поправок в конституцию 1867 года, стал конституционной монархией. Можно даже сказать, что монархия в Люксембурге – в отличие от своих могущественных аналогов в Австро-Венгрии, Германии и России – отделалась лёгким испугом.

Но вернёмся в год 1940-й.

Всего несколько часов понадобилось бравым солдатам вермахта, чтобы они, грохоча сапогами и распевая “Хорста Веселя”, вошли в Люксембург и принялись проводить опрос лётцебургских пейзажистов на предмет наличия у них сала, курок, млека и яек.

Немцы стали входить в половине седьмого утра 10 мая 1940-го, а через полтора часа в Великое герцогство вошла, цокая копытами, французская кавалерия. Приползло на подмогу Шарлотте и несколько танков. Постояв пару часов без дела, французы ретировались, весьма галантно уступив немцам право занять страну. Монаршая семья и правительство Люксембурга бежали во Францию.

За несколько часов немцы оккупировали Люксембург. Без неприятных инцидентов, правда, не обошлось: в казармах была заблокирована рота волонтеров, а дежурившие на улице жандармы открыли огонь. В итоге было ранено 7 человек (6 жандармов и один волонтер), а 75 было захвачено в плен. В общем, обошлось без жертв. Зато повезло остальным жандармам и волонтерам (всего в корпусе их служило соответственно 246 и 425 человек), прохладившимся в тот день за стенами казарм: в плен они не попали и были отправлены напрямик в рейх... для прохождения службы в полиции. Фюрер проявил к лётцебургерам неслыханную милость, разрешив записывать их наравне с гражданами Австрии в вермахт и посылать на Восточный фронт.

Вот и всё сопротивление, которое смог оказать “вечно нейтральный” Люксембург, не считая коровы-диверсанта. И оказать его по большому счёту не мог. Да и не хотел. По условиям Лондонского трактата, Великое герцогство вправе было иметь лишь пограничную стражу численностью до 300 штыков.

Конечно, при желании можно было бы и “поупираться”, тем более, что крепости Люксембурга издавна считались неприступными, и исторически “сложилось мнение”, что сие невеликое Великое герцогство проще обойти и не связываться с ним, чем завоевывать. Однако уже с давних пор неприступные фортеции превратились в памятники архитектуры и фортификационного искусства и жертвовать ими непонятно ради чего было бы сущим варварством. Тем более, что сопротивление, наподобие Брестской крепости, означало бы для “лётцебургеров” лишать себя привычного уклада жизни с его арденнскими окороками, форелью, эклерами и мозельским. Это был тот редкий в жизни человека и государства случай, когда желания совпадают с возможностями.

Справедливости ради отметим, что соседи Люксембурга – Франция, Бельгия и Голландия – “упирались” из расчёта по шкале “оборонный потенциал/время сопротивления” не более люксембургского, а то и менее того. Хотя, как известно из курса арифметики, в делении на нуль смысла не так уж и много.

Разумеется, пускаться к себе на постой чужие войска – дело малоприбыльное и хлопотное, но всё ж лучше, чем война. Особой радости лётцебургерам приход незваных гостей, конечно же, не доставил, однако и не шибко опечалил: в конце концов, в гости к немцам (хотя и без спросу) заявись такие же немцы. Или почти такие же. Причём во второй раз за последние четверть века.

Попытаемся встать на место “лётцебургеров” и прикинуть в уме, что бы мы подумали на их месте? “Ну, диковаты, конечно, говорят на каком-то варварском наречии, масло сливочное кусками заглатывают (не ели они его никогда, что ли?), зато у нас, лётцебургских, масла этого хоть завались, а в каждой деревне – ещё и по оркестру. Да и то: с какой такой стати трудяга Крупп столько пушек отлил? Чтобы немец кашу машинным маслом заправлял?”

“Ладно, переживём как-нибудь и это, нам не привыкать!” – вздохнул люксембургский мужик и принялся за своё привычное вековечное и богоугодное дело.

Конечно, для нашего брата, русака, все они немцы. Не то для самих немцев! Попробуй, “обзови” баварца “немцем”, что услышишь в ответ? “Сам ты немец, свинья ты прусская! Я – баварец!” То же и со швабами, умнеющими, как язвит вся остальная “немчура”, лишь после сорока, и с шепелявящими саксонцами – вечными жертвами Карла Великого. Об австрийцах и подавно умолчим. В целом... те же немцы. Лётцебургцы же так не считали. Для крутого великогерманского патриота австрийца Гитлера они тоже были родные немецкие дети, оттого-то и присоединил в августе 42-го Люксембург (не виртуальный – в лице Великой герцогини Шарлотты, а реальный) – к своему рейху, запретив попутно в своём новом владении употребление французского языка как официального.

А самое-то главное – заставил лётцебургских парней тянуть солдатскую лямку. И познали они тогда неизреченную радость боевого задора. А те, кому особенно повезло, прокатились за казённый счёт ещё и в Россию, наигравшись досыта в футбол-волейбол в советских лагерях для военнопленных. Это вам не пиво с мозельскими раками, и даже не грушевый ликер потягивать, любуясь закатом в родных Арденнах.

В ответ, как утверждают люксембургские источники, **“население страны объявило всеобщую забастовку, на которую немцы ответили массовыми репрессиями”**.

А 1 января 1942 года Люксембург в лице своей Великой герцогини записался в антигитлеровской коалицию, учинив свою подпись под знаменитой Декларацией Объединённых наций. Записались в неё и другие, в частности, Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Коста-Рика, Куба, Доминиканская Республика, Гаити, Никарагуа, Панама, Ливан. Чуть позднее они стали учредителями ООН. Здесь уместно будет напомнить, что правительства ряда стран-подписантов (бельгийское, норвежское, польское, югославское, чехословацкое, греческое, голландское) числились “правительствами в эмиграции”, т. е. управляли своими странами лишь на бумаге.

Есть, правда, некий маленький нюанс. То, что мы называем обобщенно “Люксембургом”, представляло собой две неравные части единого прежде целого: одна часть – это сама Великая герцогиня Шарлотта со своим мужем, прислужой и правительством, другая часть – все остальные лётцебургеры. Однако ЮРИДИЧЕСКИ она в своём суверенном, вернее, полусуверенном лице (поскольку делила власть с НАРОДОМ) и была “сражающимся Люксембургом”. Сражавшимся и победившим. Но, как сказал некогда поэт, “это многих славный путь” – и голландцев с бельгийцами, и гаитян с либерийцами, и саудитов с иракцами, и даже французов!

“Ай, да Шарлотта! Ай, да... Главковерх!” – воскликнем мы вслед за Пушкиным. И суди теперь, любезный читатель, как именно победил Люксембург – “вопреки” или всё же “благодаря” своей славной герцогине Шарлотте?

О годах, проведённых в неволе, лётцебургские летописцы пишут весьма обтекаемо и скупно, отмечая, что “во время Второй мировой войны находившийся в руках немецких оккупантов Люксембург пережил насильственную германизацию”.

“Насильственная германизация” немцев – это, конечно, звучит для русского уха так же загадочно, как, скажем, “русификация” ярославцев. Или воронежцев. Из этого, правда, можно сделать вывод о том, что сами лётцебургеры немцами себя не считают. Но даже если и не считают, представить себе, в чём выразилась эта пресловутая “германизация”, мудрено. Заставляли говорить на “ходдойч”? Но “ходдойч” они изучали и в школе, и пользовались им в беседах с иностранцами, иначе их лётцебургский говор мало кто бы понял. Так же мало, как и швейцарский немецкий – знаменитый “швицердюч”.

И ещё: из материалов Нюрнбергского процесса явствует, что за время оккупации Люксембурга “500 человек были убиты; кроме того, ещё 521 человек был незаконно казнён по приказу специальных трибуналов, так называемых “зондергерихте”. Многие в Люксембурге были подвергнуты гестапо пыткам и жестокому обращению”.

Советские источники говорят, что “было казнено и погибло в концлагерях более 1700 люксембуржцев. Было разрушено свыше 59 тысяч построек, а общий материальный ущерб, нанесённый Люксембургу, составил 500 млн долл.” (Всемирная история. Т. X. М.: “Мысль”, 1965 с. 369).

Не обошлось, как водится, и без Холокоста. Как же без него-то? По подсчётам еврейских исследователей, в частности, Робинзона, число жертв среди люксембургских евреев достигает 700 (семисот) человек.

Люксембургские официальные источники выделяют и ещё одну группу пострадавших от оккупации – призванных на службу в вермахт.

Повестки о мобилизации на борьбу с “жидобольшевизмом” получили 12 (двенадцать) тыс. человек. Справедливости ради надобно отметить, что в Люксембурге было весьма велико и число тех, кто хотел бы “уклониться от призыва”, что можно было бы рассматривать и в качестве рудимента психологии “вечной нейтральности”. Таких пацифистов набралось в новоделном “рейхсгау” 3000 (три тысячи) голов. Всего за время оккупации в вермахт было призвано 10 211 люксембуржцев. Из них 2 848 погибло, 96 пропали без вести.

Фюрера, “откосившего” в мирное время от службы в австро-венгерской армии, но пошедшего добровольцем в воюющую германскую армию, педагогические наклонности родных и близких новоявленных “уклонистов” весьма заинтересовали, и летом 44-го он решил познакомиться с этой публикой поближе, собрав и переместив её поближе к Берлину – под Потсдам, в местечко Заксенхаузен. Этим он существенно увеличил число лётцебургских, пострадавших за правду.

Теперь о войне, которую вёл Люксембург на чужой территории

Итак, на своей земле Люксембург понес потери приблизительно 1700 (одна тысяча семьсот) человек, а на Восточном фронте, то есть в России, бойцы Красной армии отправили в бессрочную увольнительную 3 000 (три тысячи) лётцебургских человеко-голов. “Отметились” вольные люксембургские стрелки и в Словении, где новая демократическая власть даже установила памятник люксембургским жандармам, которых “насилно вдали от родины заставляли бороться против югославских партизан”.

Иными словами, воюя на стороне фюрера за Великую Германию, лётцебургеры потеряли людишек вдвое больше, нежели защищая свою собственную маленькую родину от той же Великой Германии, хотя благодаря герцогине Шарлотте был Люксембург юридически с СССР-Россией союзник, а Великой Германии и её фюреру столь же юридически противник. Одним словом, воевали лётцебургеры фактически на стороне своих (юридически) противников против своих (юридически) союзников. Короче, был Люксембург живое и неубойное свидетельство тому, что его, как и Россию-матушку, ни умом не понять, ни аршином общим не измерить.

Помимо этого, по данным ГУВПИ, в советском плену находились 1652 (одна тысяча шестьсот пятьдесят два) лётцебургера (кстати, больше, чем голландцев, датчан, шведов, норвежцев, испанцев и цыган вместе взятых, но несколько меньше, чем бельгийцев). Число 13 считается несчастливым. Может, оно таковым для многих есть и было, но только не для 720 лётцебургеров, отпущенных товарищем Сталиным 13 августа 1945 года с миром из Тамбовского лагеря. Последние же 17 “несчастненьких” были отпущены на волю в апреле 1949-го.

“Отчего так “поздно”?” – спросит иной читатель. Да всё оттого, что сидеть они могли не за участие в боевых действиях, а за преступления, совершённые во время боевых действий, а также в местах, не столь уж и отдалённых. В том же тамбовском лагере, например.

Одним словом, если во время Второй мировой кто и выполнил знаменитый наркомовский завет “воевать малой кровью на чужой территории”, так это Люксембург, превзошедший и затмивший в том даже инглишменов и янки.

И ещё одно наблюдение: если главным в Олимпийских играх является участие, а не победа, то Люксембург исхитрился побеждать, не участвуя. Ну, практически не участвуя.

А те четыре с лишним тысячи лётцебургских, коих нелёгкая занесла на Русь, можно было при желании рассматривать в качестве “сирот, оставшихся без материнского – великогерцогского – присмотра”.

Именно об этом и писала Великая герцогиня Шарлотта великому и ужасному товарищу Сталину, умоляя его простить великодушно заблудших малых сих, пошедших на Русь подневольно, а посему разрешить их, “несчастненьких”, от уз. И капала горячая слеза на черновик письма.

Уж не знаю, не ведаю, какие доводы она при этом приводила: поминала ли она при этом династические связи между царствующими домами России

и Люксембурга или дочь же А. С. Пушкина – Наталью Александровну, – вышедшую замуж за принца Нассауского. Сказать что-либо точно сейчас затруднительно.

Товарищ Сталин по неизреченному милосердию своему мольбам герцогини внял. Не исключено, что вспомнил он и о поздравлении с очередной годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции, которое направила ему в ноябре 1944 года Велика герцогиня Шарлотта. Есть смысл привести его полностью: “Я счастлива воспользоваться случаем в связи с этой годовщиной, чтобы выразить чувства дружбы и благодарности освобождённого люксембургского народа народу СССР, его славной армии и вождю, чьи победы в столь огромной степени способствовали освобождению моей страны от ненавистного ига” (См.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. II, с. 372.).

И пусть не смущает читателя дата: дело было ДО “Арденнского казуса”.

По этой, а, может статья, и по какой-либо иной причине, “отметившиеся” на советско-германском фронте вольные люксембургские стрелки вышли из-за проволоки (вместе с французами) прежде остального цивилизованного люда, чинившего на Руси великие злодейства.

Лишь несколько “особо отличившихся” лётцебургеров загремело потом по этапу в Сибирь “по вновь открывшимся обстоятельствам”. Ну, да товарищ Сталин никого даром не сжал.

И когда он умер, то послала Шарлотта на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР т. Н. М. Шверника телеграмму такого содержания:

“Его Превосходительству Господину Николаю Швернику Председателю Президиума Верховного Совета СССР

МОСКВА

По случаю огромного горя, постигшего Правительство и народы Союза Советских Социалистических Республик в связи с кончиной Премьер-министра Генералиссимуса Иосифа Виссарионовича Сталина, я посылаю Вам выражение моего самого глубокого соболезнования.

ШАРЛОТТА Великая Герцогиня Люксембургская”.

А в апреле 1945-го сестёр Шарлотты: Марию Аделаиду, Марию Габриэль, Алису – и принца Шарля встретили на площади перед ратушей давно заждавшиеся их жители “вечно нейтрального” Великого герцогства.

“Вот она, Государыня наша, Победительница!” – кричали радостные лётцебургеры, а прижимистые кабатчики выкатывали на радостях бочонки “пенного”.

И уселась вновь Великая герцогиня на отобранный было у неё фюрером трон и сидела на нём вплоть до 1964 года, покуда не отреклась от престола в пользу сына своего Ивана (Жана), притомившись за сорок пять лет от трудов державных и праведных. Задумаемся, читатель: начала Шарлотта править своей страной почти одновременно с Лениным, пережила (во всех смыслах) Хрущёва, став свидетелем торжества триумvirата Брежнева-Подгорного-Косыгина, пережила (физически) Брежнева, Андропова, Черненко, дожив аж до самой – не к ночи будь помянута – “перестройки”, став мимоходом Победителем во Второй мировой. Много ли сыщется в мире таких правителей? Да ни одного!

Ещё в 1923 году на центральной площади столицы Люксембурга города Люксембурга был возведён монумент “Свободы” в честь тех лётцебургеров, что отдали за неё, родимую, жизнь. Венчает его “Cello Fra” (Золотая женщина), изображающая богиню Победы. Правду сказать, всем видом своим напоминает сия “Свобода”, она же “Золотая женщина”, судя по её легкомысленному и весьма откровенному одеянию, даму недвусмысленного и конкретного поведения. И норовит она обрушить на вашу голову тяжеленный венок – символ Преславной Виктории. Но не будем слишком строги к автору монумента люксембургскому скульптору К. Сито. Чай, не на Церетели он учился!

А на постаменте горит чистым золотом надпись вот такого содержания:

“Я горжусь нашими добровольцами, которые по примеру своих предшественников присоединились к армиям союзников в деле защиты нашей маленкой родины.

Я преклоняюсь перед жертвами и героями нашей Родины и скорблю вместе с их семьями. Их кровь была пролита не напрасно. Они утвердили своей смертью подлинность присущего всем нам идеала, возвышающегося над

партийными, классовыми и конфессиональными различиями Нашей Люксембургской Родины.

Великая герцогиня 16 апреля 1945”.

Писано сие, прошу заметить по-французски. А не по-лётцебургски! И не по-немецки, что весьма символично. Но и то: лётцебургские, как известно, дома разговаривают по-люксембургски, законы пишут по-французски, а газеты читают на немецком.

А у подножия мадам “Свободы” — двое в античном стиле: один (со щитом) сидит, а другой лежит (поверженный, словно на столе у патологоанатома). А все вместе олицетворяют они жертвы, принесённые на алтарь победоносного лётцебургского отечества и его “вечного нейтралитета”.

Но недолго суждено было наслаждаться им Люксембургу: в 1949 году “вечный нейтралитет” вновь прекратил течение своё, когда за великие заслуги в деле защиты западной цивилизации, а пуще за умение “воевать малой кровью на чужой территории” Великое герцогство вступило в НАТО.

А ещё через год рота лихих люксембургских стрелков в составе ограниченного воинского контингента ООН отправилась выполнять свой интернациональный долг по защите “свободного мира” в далёкую Корею. Правда, война та закончилась суровой боевой ничьей, однако американцев на ней поубивало немало, зато лётцебургских — всего лишь двоих: одного — в самом начале кампании, в 1950 году, а другого — словно для симметрии — под самый её занавес, в 1953-м. Имена героев выбиты на том же Монументе борцам за свободу и независимость. И кто знает, если бы не эти два бойца, может и скинули бы “ооновских”, как прежде Врангеля, в сине-море? Ведь “и крыло мухи имеет вес”, как учили нас Старцы.

А теперь спросим себя под занавес:

Кто малой кровью на чужой земле воевал?

Кто Вторую мировую войну выиграл?

Кто германского фюрера одолел-посрамил?

То-то же.

Подведём итоги.

При защите Люксембурга погибло 7 человек, 75 было захвачено в плен.

За время оккупации казнено и погибло в концлагерях более 1700 люксембуржцев.

В вермахт за время оккупации было призвано 10211 люксембуржцев. Из них 2 848 погибло, 96 пропали без вести.

В советский плен попало 1 653 люксембуржца, воевавших на германо-советском фронте (из них 93 умерло в плену).

В это же самое время в Люксембурге оказалось около трёх тысяч советских военнопленных, пригнанных немцами для работы на заводах страны. В 1957 году в городе Эш-сюр-Альзетт был открыт памятник 56 советским гражданам, погибшим в Люксембурге.